Registered in Germany **Europa Revue Journal**
ISSN: 1862-6564 **Vol. 6 No. 6 (2026) Published June 19, 2026**

The Impact of the Food Crisis on the Economies of Central Asian Countries: The Case of Uzbekistan, 2019–2024

Nasiba Khakimova

Master's student in World Economy at the University of World Economy and Diplomacy; Bachelor's degree in Banking and Auditing from Tashkent State University of Economics

Abstract

This article analyzes the impact of the global food crisis of 2021–2023 on the economies of Central Asian countries, with a focus on Uzbekistan, during the period 2019–2024. The study is based on an assessment of the dynamics of the FAO Food Price Index and key macroeconomic indicators characterizing economic resilience. The paper employs descriptive and comparative macroeconomic analysis, identifying the pre-crisis period, the peak phase of the crisis, and the adaptation stage. Using data from the World Bank, FAO, and IMF, the main changes in economic growth rates, inflation levels, fiscal balance, remittance flows, and exchange rate fluctuations are identified. The results show that the food crisis had a multi-channel negative impact on Uzbekistan as a net food-importing country, intensifying inflationary pressure, reducing real household incomes, and increasing vulnerability to external shocks. General conclusions are drawn about the nature of the food crisis's impact on Central Asian economies.

Keywords

food crisis; Central Asian economies; Uzbekistan; food security; FAO Food Price Index; macroeconomic indicators; inflation; remittances; food imports.

Влияние продовольственного кризиса на экономику стран Центральной Азии на кейсе Узбекистана в 2019–2024 годы

Хакимова Насиба Рустамжоновна

Магистрант по направлению Мировой экономики в Университете мировой экономики и дипломатии, Бакалавр по направлению Банковское дело и аудит в Ташкентском государственном экономическом университете

Аннотация. В статье анализируется влияние мирового продовольственного

кризиса 2021–2023 годов на экономику стран Центральной Азии, в частности Узбекистана, в период 2019–2024 годов. Исследование основано на оценке динамики индекса мировых продовольственных цен ФАО и ключевых макроэкономических показателей, характеризующих экономическую устойчивость. В работе применяется описательный и сравнительный макроэкономический анализ с выделением докризисного периода, фазы пика кризиса и этапа адаптации. На основе данных Всемирного банка, ФАО и МВФ определены основные изменения в темпах экономического роста, уровне инфляции, фискальном балансе, объёмах денежных переводов и колебаниях валютного курса. Результаты показывают, что продовольственный кризис оказал многоканальное отрицательное воздействие на Узбекистан как страну — нетто-импортёра продовольствия, усилив инфляционное давление, сократив реальные доходы домохозяйств и увеличив уязвимость к внешним шокам. Сделаны общие выводы о характере воздействия продовольственного кризиса на экономику стран Центральной Азии.

Ключевые слова: продовольственный кризис; экономика Центральной Азии; Узбекистан; продовольственная безопасность; индекс продовольственных цен ФАО; макроэкономические показатели; инфляция; денежные переводы; импорт продовольствия.

Введение. Продовольственный кризис 2021–2023 годов стал одним из наиболее масштабных потрясений для глобальной системы продовольственного снабжения за последние десятилетия. Резкий рост мировых цен на зерно, растительные масла и другие базовые продукты питания, вызванный сочетанием структурных и геополитических факторов, создал значительные вызовы для стран с высокой зависимостью от импорта продовольствия. По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), в 2022 году, индекс мировых продовольственных цен (FFPI) достиг рекордных значений в 144 пунктов, что на 44% выше уровня базового периода 2014–2016 годов.[1]

Для стран Центральной Азии, значительная часть которых является нетто-импортёрами продовольствия, кризис вызвал существенный

макроэкономический риск. Особое место в этом контексте занимает Узбекистан, являющийся крупнейшей по численности населения страной региона. Несмотря на значительные объемы собственного сельскохозяйственного производства, продовольственная безопасность страны в определённой степени зависит от стабильности поставок импортируемой пшеницы и зерновых культур. Кроме того, дополнительным фактором являются денежные переводы трудовых мигрантов, выступающие важным источником формирования доходов населения и поддержки внутреннего потребления.

Настоящая статья определяет продовольственный кризис как период устойчивого и значительного роста мировых цен на продовольствие, сопровождающегося перебоями в цепочках поставок и угрозой снижения физической и экономической доступности продуктов питания для населения.

Под экономической безопасностью понимается способность государства обеспечивать макроэкономическую стабильность через регулирование инфляции, устойчивость фискальной политики и обменного курса в условиях воздействия внешних шоков.

Целью статьи является анализ влияния мирового продовольственного кризиса 2021–2023 годов на экономическую безопасность Узбекистана на основе сравнения макроэкономических показателей до, во время и после периода пика кризиса.

Обзор литературы

Академическая литература предлагает несколько аналитических рамок для изучения воздействия ценовых шоков на продовольственных рынках. В своей статье Aksoy и Isik-Dikmelik (2008) проанализировали влияние роста цен на бедные и богатые группы стран. Проанализировав данные по девяти странам с низким доходом, авторы показали, что нетто-покупатели продовольствия в среднем богаче нетто-продавцов, вследствие чего рост цен может привести к перераспределению доходов от относительно более состоятельных покупателей к более бедным сельским производителям. Из этого авторы сделали вывод, что воздействие ценового шока неоднородно и зависит от структуры домохозяйства.[2]

Вместе с тем в реальных условиях развивающихся стран большинство городских домохозяйств и значительная доля сельских жителей являются нетто-потребителями, а не производителями продовольствия. Ivanic и Martin (2008) показали, используя данные по девяти странам, что кратковременный эффект роста цен на зерновые от кризиса 2007–2008 годов приводил к увеличению уровня бедности значительно чаще, чем к его снижению. По их оценкам, рост мировых цен на основные продукты питания в 2007–2008 годах мог дополнительно вовлечь в бедность более 100 миллионов человек.[3]

Исследование Headey и Fan (2008), представляющее из себя разбор причин и последствий кризиса 2007-2008-х годов показало что рост цен на нефть, обесценение доллара США и спрос на биотопливо стали основными факторами ценового скачка. По итогам их анализа наиболее уязвимой к продовольственной инфляции оказалась городская беднота, тогда как сельские нетто-продавцы могут от неё выигрывать.[4]

Применительно к контексту Центральной Азии принципиальное значение имеет исследование Svanidze, Götz, Djuric и Glauben (2019), посвящённое функционированию рынков пшеницы в Евразии. Используя модели ценовой трансмиссии, авторы установили, что рынки Центральной Азии менее эффективны в передаче мировых ценовых сигналов, чем рынки Южного Кавказа. Ключевым ограничивающим фактором служат высокие транспортные издержки в странах, не имеющих выхода к морю. Для Узбекистана это означает, что рост мировых цен на пшеницу передаётся на внутренние рынки не немедленно, но в конечном счёте неизбежно.[5]

В отчёте Всемирного банка о влиянии конфликта в Украине на агропродовольственные рынки Центральной Азии (2022) подчёркивается, что Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан как импортёры зерна были вынуждены принять оперативные меры для стабилизации внутренних цен. В частности, Узбекистан принял декрет «О дополнительных мерах по обеспечению продовольственной безопасности и ценовой стабильности на внутреннем рынке» и выделил средства на закупку продовольствия в условиях нарушения поставок с

Украины и из России.[4]

Согласно статье World Grain (2023), в 2022–2023 годах Узбекистан потреблял около 8,5 млн тонн пшеницы в год, при этом внутреннее производство покрывало лишь около 78% от потребностей, а импорт — преимущественно из Казахстана — составлял в среднем 3,2 млн тонн ежегодно.[5] Такая зависимость от внешних поставок делает страну особенно уязвимой к ценовым шокам на мировых зерновых рынках.

В Докладе МВФ по итогам статьи IV за 2022 год отмечается, что после начала войны в Украине прогнозировалось замедление роста экономики Узбекистана до 3–4% в 2022 году вследствие сокращения торговли, денежных переводов и финансовых потоков из России. Одновременно прогнозировалось, что инфляция превысит 10% под воздействием высоких мировых цен на продовольствие и сырьевые товары.[6]

В работе Ziyadullaev, Bakhriddinova и Omarova (2023) анализируется роль межрегионального сотрудничества в обеспечении экономической и продовольственной безопасности стран Центральной Азии, в том числе в контексте диверсификации импортных цепочек и совместного создания продовольственных резервов.[7]

Таким образом, существующая литература демонстрирует разнообразие каналов воздействия продовольственного кризиса на экономику стран ЦА, однако комплексный макроэкономический анализ на примере Узбекистана с охватом периода 2019–2024 годов остаётся недостаточно представленным в научных исследованиях.

Методология

Для оценки влияния продовольственного кризиса 2021–2023 годов в данной статье применяется описательный и сравнительный макроэкономический анализ.

Был проведён двухступенчатый анализ данных. В первую очередь анализировалась динамика мировых продовольственных цен посредством среднегодовых значений Индекса продовольственных цен ФАО (FAO Food Price Index, FFPI), который служит комплексным индикатором ценовой ситуации на

мировых рынках пяти основных групп продовольственных товаров: зерновых, растительных масел, молочных продуктов, мяса и сахара. Выбор данного показателя обусловлен его широким охватом и статусом международного эталона для оценки продовольственных шоков.

Во-вторых, анализировались изменения ключевых макроэкономических показателей Узбекистана за период 2019–2024 годов. Исследование включает индуктивный анализ, основанный на сравнении следующих показателей: рост ВВП, отражающий общее состояние экономики; уровень инфляции (ИПЦ), указывающий на ценовое давление; фискальный баланс; объём денежных переводов (% от ВВП) как специфический канал уязвимости, и обменный курс, отражающий внешнюю устойчивость. Данные показатели позволяют оценить как прямые, так и косвенные последствия кризиса.

Анализируемые периоды: докризисный (2019–2020 гг.), острая фаза кризиса (2021–2022 гг.) и 2024 год как период продолжающейся адаптации. В качестве источников использованы данные Всемирного банка, МВФ и ФАО.

Анализ и результаты

Таблица 1. Среднегодовые значения Индекса продовольственных цен ФАО (FFPI)

Год	FFPI (пункты)	Изменение г/г
2019	95.1	—
2020	98.1	+3.2%
2021	125.7	+28.1%
2022	143.7	+14.3%
2023	123.9	−13.8%
2024	121.8	−1.7%

Источник: FAO Food Price Index.
https://www.fao.org/worldfoodsituation/foodpricesindex/en/

Таблица 2. Средние значения FFPI в различные периоды кризиса

Период	Среднее FFPI	Изменение
До кризиса, 2019–2020	96.6	—
Пик кризиса, 2021–2022	134.7	+39.4%
Адаптация, 2023–2024	122.9	−8.8%

Источник: Анализ на основе данных Таблицы 1.

Таблица 3. Макроэкономические показатели Узбекистана с 2019 по 2024 годы

Показатель	До кризиса			Пик кризиса		Адаптация
	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Рост ВВП, %	+5.9	+1.6	+8.0	+6.0	+6.3	+6.5
Инфляция (ИПЦ), %	14.5	12.9	10.9	11.5	10.0	9.6
Фискальный баланс, % ВВП	+0.6	−2.5	−4.6	−3.5	−2.5	−3.2
Денежные переводы, % ВВП	~8.0	11.7	~11.0	20.6	17.7	14.4
Обменный курс (UZS за USD)*	~8 756	~10 054	~10 610	~11 050	~11 900	~12 651

Источник: World Bank Country Data: Uzbekistan (data.worldbank.org); IMF Country Report No. 25/143 (2025); IMF Country Report No. 24/210 (2024).
*Обменный курс — приблизительные среднегодовые значения; рекомендуется сверить с архивом ЦБ Республики Узбекистан (cbu.uz).

Таблица 4. Средние макроэкономические показатели Узбекистана в различные периоды кризиса

Показатель	До кризиса (ср. 2019–2020)	Пик кризиса (ср. 2021–2022)	Адаптация (2024)

Рост ВВП, %	3.8	7.0	6.5
Инфляция (ИПЦ), %	13.7	11.2	9.6
Фискальный баланс, % ВВП	−0.9	−4.1	−3.2
Денежные переводы, % ВВП	~9.9	~15.8	14.4
Обменный курс (UZS за USD)*	~9 405	~10 830	~12 651

Источник: Анализ на основе данных Таблицы 3.

Анализ динамики мировых продовольственных цен и макроэкономических показателей Узбекистана в различные этапы кризиса позволяет выявить устойчивые взаимосвязи.

Согласно данным Таблицы 2, в период пика кризиса (2021–2022 гг.) среднее значение FFPI составило 134,7 пункта, что на 39,4% выше докризисного уровня 96,6 пункта за 2019–2020 годы. Особенно резкий скачок был зафиксирован в 2021 году (+28,1% к предыдущему году) и в 2022 году (+14,3%), когда индекс достиг рекордных 143,7 пунктов. Эта динамика отражает глобальные нарушения в цепочках поставок, обусловленные последствиями пандемии COVID-19 и эскалацией конфликта на Украине, затронувшего ключевых экспортёров зерна.[1]

Макроэкономические показатели Узбекистана, представленные в Таблице 4, демонстрируют разнонаправленные изменения. В период пика кризиса средний темп роста ВВП увеличился с 3,8% (2019–2020) до 7,0% (2021–2022). Вместе с тем этот рост в значительной мере был обусловлен не преодолением последствий кризиса, а взрывным ростом денежных переводов — с ~9,9% до ~15,8% ВВП, — что поддержало потребительский спрос и строительный сектор. Таким образом, высокий рост ВВП в данном случае не является свидетельством устойчивости, а скорее отражает временный внешний стимул.[6]

Инфляционная картина носила более тревожный характер. Средний уровень инфляции в период пика кризиса составил 11,2%, что выше докризисного уровня

(13,7%) лишь незначительно, однако структура инфляции принципиально изменилась: на долю продовольственных товаров в потребительской корзине Узбекистана приходится более 53%, что делает продовольственную инфляцию основным фактором совокупного инфляционного давления. Рост импортных цен на зерно и растительные масла непосредственно транслировался в удорожание базовых продуктов питания на внутреннем рынке.

Фискальный баланс ухудшился в период кризиса: средний дефицит составил −4,1% ВВП в 2021–2022 годах против −0,9% в 2019–2020 годах. Это объясняется в первую очередь активной политикой господдержки: правительство направляло дополнительные средства на субсидирование цен на муку и хлеб, закупки в государственные резервы и социальные выплаты уязвимым домохозяйствам.[4]

Обменный курс узбекского сума демонстрировал последовательное ослабление на протяжении всего анализируемого периода: с ~8 756 UZS/USD в 2019 году до ~12 651 UZS/USD в 2024 году. Девальвация дополнительно удорожала продовольственный импорт в национальной валюте, создавая вторичный инфляционный эффект и усугубляя нагрузку на домохозяйства с доходами в сумах.

В 2024 году — период адаптации — инфляция снизилась до 9,6%, рост ВВП сохранился на уровне 6,5%, а текущий счёт платёжного баланса улучшился. Тем не менее фискальный дефицит остался на повышенном уровне (−3,2% ВВП), а обменный курс продолжил ослабевать, что указывает на сохранение структурных уязвимостей.

Обсуждение и интерпретация

Результаты показывают, что продовольственный кризис оказал на Узбекистан принципиально иное воздействие, чем, например, энергетический кризис на Казахстан — страну-экспортёра ресурсов. В отличие от последнего, Узбекистан столкнулся преимущественно с негативными последствиями как нетто-импортёр продовольствия.

Ключевым каналом воздействия стала продовольственная инфляция. Высокая доля продовольствия в структуре потребительских расходов (свыше 53%) означала, что рост мировых цен непосредственно сказывался на реальных доходах домохозяйств, особенно малообеспеченных слоёв населения. Рост стоимости импорта зерна увеличивал торговый дефицит и оказывал дополнительное давление на обменный курс, создавая «петлю обратной связи» между внешнеторговым балансом и внутренней ценовой динамикой.

Вместе с тем особого внимания заслуживает феномен «парадокса денежных переводов». Резкий рост переводов из России в 2022 году (с ~11% до ~21% ВВП) демпфировал падение реальных доходов домохозяйств и временно поддержал экономический рост. Тем не менее данная зависимость представляет собой структурную уязвимость: сокращение переводов в 2023–2024 годах указывает на непостоянство этого источника внешней поддержки.

Реакция правительства — субсидирование цен, пополнение государственных резервов, социальные трансферты — позволила смягчить наиболее острые последствия кризиса. Однако она же повлекла за собой расширение фискального дефицита, свидетельствуя о том, что политика противодействия кризису имеет свою цену в виде ухудшения бюджетных показателей.

В целом, продовольственный кризис обнажил ключевое структурное противоречие узбекской экономики: зависимость от импорта базовых продуктов питания в сочетании с высокой долей продовольствия в потребительской корзине делает страну особенно восприимчивой к внешним ценовым шокам, тогда как зависимость от денежных переводов создаёт иллюзию устойчивости, маскируя реальные уязвимости.

Государственные меры по смягчению последствий кризиса

Реакция правительства Узбекистана на продовольственный кризис носила многоуровневый характер и охватывала как оперативные антикризисные меры, так и долгосрочные структурные инициативы.

Ключевым инструментом антикризисного регулирования в сфере ценовой стабильности стал Указ Президента № УП-145 «О дополнительных мерах по

обеспечению стабильности цен на потребительских рынках и повышению действенности антимонопольных мер» от 31 мая 2022 года. В соответствии с данным документом с 1 мая 2022 года по 1 января 2023 года были установлены нулевые ставки импортных таможенных пошлин на 23 категории базовых продовольственных товаров, включая мясо, молочную продукцию, яйца, растительное масло и сахар. В дальнейшем действие льготного режима было продлено ещё до 1 июля 2023 года отдельным президентским указом о ценовой стабильности. Указ также предусматривал временные ограничения на экспорт ряда продовольственных товаров с целью предотвращения дефицита на внутреннем рынке.[8]

Параллельно в мае 2022 года была проведена структурная реформа зернового рынка: отменена система государственных закупок пшеницы по нерыночным фиксированным ценам, существовавшая с советских времён. По оценкам, это решение повысило финансовую устойчивость аграрных производителей и способствовало росту внутреннего производства зерна.[9]

В марте–мае 2022 года правительство сформировало антикризисный пакет мер с совокупным объёмом финансирования порядка 1,2 млрд долларов США. Программа была направлена на обеспечение продовольственной безопасности, поддержку уязвимых домохозяйств и снижение безработицы среди вернувшихся трудовых мигрантов. В октябре 2022 года Азиатский банк развития одобрил кредит в размере 500 млн долларов США в рамках программы BRACE (Building Resilience with Active Countercyclical Expenditures) для со-финансирования данного пакета.[10]

В области социальной защиты важную роль в период кризиса сыграла система «Железная тетрадь» (Temir daftar) — государственный реестр социально уязвимых домохозяйств, нуждающихся в адресной поддержке. Через институт махалли (органа общественного самоуправления на уровне квартала) осуществлялся мониторинг благополучия и распределение социальных выплат наиболее нуждающимся семьям. В июле 2022 года правительство утвердило Национальную стратегию социальной защиты (НССЗ), направленную на

системное расширение охвата населения мерами социальной поддержки.[11]

На системном уровне принятая в январе 2022 года Стратегия развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы (Указ Президента № УП-60) определила семь стратегических приоритетов, включая обеспечение продовольственной безопасности и реализацию справедливой социальной политики. В частности, четвёртый стратегический приоритет был посвящён «проведению справедливой социальной политики и развитию человеческого капитала», а целевым ориентиром установлено снижение уровня бедности вдвое к 2030 году.[12]

Совокупность перечисленных мер позволила предотвратить наиболее острые социальные последствия кризиса, однако неизбежно повлекла за собой расширение фискального дефицита и наращивание государственного долга. Анализ эффективности отдельных инструментов — в частности, степени адресности денежных трансфертов и реального охвата системой таргетированной социальной защиты — требует дальнейшего углублённого исследования.

Заключение. Анализ мирового продовольственного кризиса 2021–2023 годов на примере Узбекистана позволяет сделать более широкие выводы о влиянии подобных кризисов на экономику стран Центральной Азии. Узбекистан был выбран в качестве основного кейса в связи с его ведущей ролью по численности населения в регионе, высокой зависимостью от импорта пшеницы и значимостью денежных переводов, что обусловливает его особую уязвимость к продовольственным шокам.

Результаты показывают, что продовольственный кризис оказал преимущественно негативное многоканальное воздействие на экономику Узбекистана. Резкий рост мировых продовольственных цен привёл к удорожанию импорта, усилению инфляционного давления и снижению реальных доходов домохозяйств. Схожие последствия можно ожидать и в других странах ЦА, зависящих от импорта продовольствия, — прежде всего в Таджикистане и Кыргызстане. Опыт Узбекистана демонстрирует, что активные меры государственной политики (субсидирование, резервирование, социальная защита) способны смягчить непосредственные последствия кризиса, однако неизбежно влекут за собой

ухудшение фискального баланса. Рост ВВП в период кризиса, обусловленный прежде всего взрывным ростом денежных переводов, носил временный характер и не отражал подлинного преодоления структурных уязвимостей.

Странам Центральной Азии следует приоритизировать диверсификацию источников импорта продовольствия для снижения зависимости от отдельных поставщиков, наращивать инвестиции в повышение производительности отечественного сельского хозяйства, а также укреплять региональное сотрудничество в области создания совместных продовольственных резервов. Параллельно необходимо усиливать инструменты таргетированной социальной защиты для поддержки наиболее уязвимых домохозяйств в периоды ценовых шоков.

Наконец, настоящее исследование указывает на необходимость дальнейших углублённых исследований конкретных каналов передачи продовольственных ценовых шоков в экономиках ЦА, а также сравнительного межстранового анализа эффективности различных инструментов государственной политики в условиях продовольственных кризисов.

Список использованной литературы:

[1] FAO Food Price Index. Food and Agriculture Organization of the United Nations. https://www.fao.org/worldfoodsituation/foodpricesindex/en/

[2] Aksoy, M. A., & Isik-Dikmelik, A. (2008). Are low food prices pro-poor? Net food buyers and sellers in low-income countries. World Bank Policy Research Working Paper No. 4642. https://doi.org/10.1596/1813-9450-4642

[3] Ivanic, M., & Martin, W. (2008). Implications of higher global food prices for poverty in low-income countries. Agricultural Economics, 39(s1), 405–416. https://doi.org/10.1111/j.1574-0862.2008.00347.x

[4] Headey, D., & Fan, S. (2008). Anatomy of a crisis: The causes and consequences of surging food prices. Agricultural Economics, 39(s1), 375–391. https://doi.org/10.1111/j.1574-0862.2008.00352.x

[4] World Bank. (2022). Agrifood trade and food security in Central Asia: Possible implications of the conflict in Ukraine. World Bank Document. https://documents1.worldbank.org/curated/en/099614301182328659/pdf/IDU099aa8f43031360476b0ba0e0c5517feb727f.pdf

[5] World Grain. (2023). Country Focus: Uzbekistan. World Grain Magazine. https://www.world-grain.com/articles/18051-country-focus-uzbekistan

[6] International Monetary Fund. (2022). IMF Executive Board Concludes 2022 Article IV Consultation with the Republic of Uzbekistan. Press Release No. 22/206. https://www.imf.org/en/News/Articles/2022/06/22/pr22206-imf-executive-board-concludes-2022-article-iv-consultation-with-the-republic-of-uzbekistan

[7] Ziyadullaev, N. S., Bakhriddinova, H. A., & Omarova, Z. K. (2023). Strategic development vector of the EAEU and Central Asian countries within the priorities of economic security. Economics of Central Asia, 7(1), 9–24. https://doi.org/10.18334/asia.7.1.116969

[8] Azizov & Partners. (2022). Zero rates of customs duties on imports of some food products are established: Presidential Decree No. UP-145 of 31.05.2022. https://azizovpartners.uz/en/legislativenews/zero-rates-of-customs-duties-on-imports-of-some-food-products-are-established/

[9] Economic Cooperation and Industrial Confidence Institute. (2022). Food security in Uzbekistan. https://ecocci.org/reports/item/11216-food-security-in-uzbekistan

[10] Asian Development Bank. (2022). ADB to help promote food security, social protection, and jobs in Uzbekistan. Press Release, 5 October 2022. https://www.adb.org/news/adb-help-promote-food-security-social-protection-and-jobs-uzbekistan

[11] International Labour Organization. (2024). Uzbekistan: Accelerating progress on SDG target 1.3 — Building social protection floors for all. https://www.ilo.org/projects-and-partnerships/projects/uzbekistan-accelerating-progress-sdg-target-13-building-social-protection

[12] President of the Republic of Uzbekistan. (2022). Decree No. UP-60: On the Development Strategy of New Uzbekistan for 2022–2026. https://lex.uz/ru/docs/5841077

[13] International Monetary Fund. (2024). IMF Country Report No. 24/210: Uzbekistan. https://www.imf.org/-/media/files/publications/cr/2024/english/1uzbea2024001-print-pdf.pdf

[14] International Monetary Fund. (2025). IMF Country Report No. 25/143: Uzbekistan. https://www.imf.org/-/media/files/publications/cr/2025/english/1uzbea2025001-print-pdf.pdf

[15] World Bank. (n.d.). Uzbekistan Country Data. https://data.worldbank.org/country/uzbekistan